

Люди на тающей льдине

(Ценностные ориентации религиозной элиты России)

КИММО КААРИАЙНЕН, Д.Е. ФУРМАН

В рамках совместного проекта Академии Финляндии и Российской Академии наук, являющегося частью Всемирной программы изучения ценностей (World Values Survey) в 1998 г. было предпринято исследование ценностей российской элиты. Было опрошено 445 человек, принадлежащих к политической, экономической, информационной и религиозной элитам России. Результаты этого исследования, касающиеся религиозной элиты, представлены в данной статье. Всего в опросе участвовали 94 представителя религиозной элиты. Из них 68 (72%) - представители элиты Русской православной церкви (РПЦ) - митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены и игуменьи, священники, представители епархиальной администрации и руководители образовательных институтов. Остальные - католики, баптисты, иеговисты, иудаисты, буддисты, мусульмане. В данной работе нас интересуют прежде всего элита православного духовенства, но для того чтобы лучше понять специфику ее системы ценностей, мы будем сравнивать ответы на вопросы православной элиты с ответами других сегментов элиты, а также с ответами на аналогичные вопросы, полученные в результате общего опроса, проведенного в 1996 г.*

Прежде всего посмотрим, кто эти люди и каков их генезис. Значительная часть опрошенных представителей элиты РПЦ принадлежит к семьям, где духовное звание и профессия священника - наследственны. 25% родителей опрошенных в 80-е годы работали в церкви и 20% их детей работают сейчас. Такой преемственности профессиональной традиции нет ни в одной группе элиты (для сравнения - только 4% родителей лиц, принадлежащих к элите СМИ, работали в 80-е годы в информационной сфере). Между тем для РПЦ это вполне традиционно и, скорее всего, даже мало. Несомненно, что в последнее десятилетие религиозная элита пополнилась относительно многими людьми, пришедшими в церковь из других профессий (30% элиты РПЦ в 80-е годы не работали в церкви) и из семей не священнических. Относительно много выходцев из рабочих и крестьянских семей. Из рабочих - не менее 17%, семей колхозников - 9%. Это больше, чем в других сегментах элиты, особенно - в элите СМИ, где из колхозных семей - 1%.

Значительно больше, чем преемственность профессии, в элите РПЦ - мировоззренческая и "субкультурная" преемственность. Только 15% родителей элиты РПЦ состояли в КПСС (в нерелигиозных элитах - 57%). Зато 69% церковной элиты были воспитаны религиозно и только 20% - нет, в то время как в нерелигиозных элитах религиозно воспитанных - 10%. 84% имели религиозную мать (в нерелигиозной элите - 28%) и 63% - религиозного отца (в элитах - 6%).

Таким образом, элита РПЦ в основном - люди специфической традиции и субкультуры-

*Результаты этого опроса были опубликованы в статье: Киммо Каарияйнен, Фурман Д.Е. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. 1997. № 6.

туры, в советское время - очень изолированной и живущей своим замкнутым миром и его интересами. В громадной мере такая замкнутость сохраняется и сейчас.

Самым разительным различием ответов представителей религиозной элиты от ответов представителей других групп элиты и населения в целом является не какое-либо содержательное различие, а удельный вес и распределение ответов "не знаю".

Мы не задавали представителям религиозной элиты целый ряд общемировоззренческих вопросов, ответ на которые с их стороны - очевиден, например, "верите ли Вы в Бога?". На такие вопросы, как мы полагали, все представители религиозной элиты ответили бы: "да" и задавать их им было бы даже неприлично. И как раз на такие вопросы часто отвечают: "не знаю" представители иных групп (на вопрос о вере в Бога "не знаю" ответили 21% нерелигиозной элиты, 38% ответили "да" и 40% - "нет").

Среди вопросов, которые мы задавали представителям всех групп элиты, есть несколько, в ответах на которые духовенство более уверено, чем люди, принадлежащие к нерелигиозной элите. Так, 81% элиты РПЦ согласились с тем, что есть "абсолютные критерии добра и зла", 10% считают, что их нет, 1% - "не знают"; среди нерелигиозной элиты - 33%, 58% и 3%. На вопрос о допустимости употребления наркотиков "никогда не допустимо" ответили 97% элиты РПЦ и 80% нерелигиозной элиты, о допустимости внебрачного секса - 90% и 19%, гомосексуализма - 91% и 62%, проституции - 91% и 46%, аборт - 93% и 12%, эвтаназии - 97% и 26%, самоубийства - 99% и 48%. Значительно реже отвечают "не знаю" представители элиты РПЦ на вопросы об отношении к разным религиям. На ряд вопросов, например, о необходимости преподавания религии в школах, о привилегиях для РПЦ, об отношении к РПЦ процент ответов "не знаю" приблизительно одинаковый (и очень небольшой) у религиозной и нерелигиозной элиты. Как мы видим, все это - вопросы весьма специфические - или такие, по которым есть однозначная позиция церкви, непосредственно вытекающая из самой религиозной доктрины (эвтаназия, аборт, самоубийство) или близкие к этой группе и непосредственно затрагивающие по положению церкви в обществе.

Но на подавляющее большинство вопросов самого разного свойства представители элиты РПЦ отвечают: "не знаю" значительно чаще, чем представители других категорий элиты и населения в целом. Иногда удельный вес ответов: "не знаю" просто поразителен. Так, на вопрос о доверии к Думе "не знаю" отвечают 22% элиты РПЦ и 2% нерелигиозной элиты, о доверии к армии - 22% и 5%, к партнерам по СНГ — 47% и 14%, к большим компаниям - 41% и 19%, к Европейскому Союзу - 47% и 14%, к ООН - 41% и 12%, о том, что лучше - частная или государственная собственность на предприятия - 22% и 1%, об отношении к распаду СССР - 24% и 4%, будет ли Россия сверхдержавой - 22% и 3%, об отношении к демократии в России - 34% и 8%, об отношениях России со странами СНГ - 21% и 3%. Даже на самые "невинные" и не политические вопросы ответы "не знаю" встречаются у элиты РПЦ значительно чаще, чем в других группах. Например, на вопрос: "насколько для Вас важен досуг" - 10% и 2% "насколько важны друзья" - 12% и 1%, "насколько важна работа" - 5% и 1%, "можно ли доверять большинству людей" - 12% и 3%, "помогают ли люди сейчас так же охотно, как раньше" - 15% и 3% и т.д.

Откуда же такое большое число ответов "не знаю"? Такой ответ может означать, что человек не думал над данным вопросом, думал, но не может решить его для себя, или же решил, но не хочет свое решение высказывать. Обычно такие ответы чаще встречаются у наиболее необразованных людей, не очень-то много думавших над задаваемыми им вопросами и не очень доверяющих себе. Так, в 1996 г. на вопрос об отношении к распаду СССР, например, "не знаю" ответили 14% лиц с незаконченным средним образованием и 8% - с высшим образованием, на вопрос об отношениях со странами СНГ - 25% и 11% и т.д. Но ясно, что "не знаю" элиты РПЦ - не от необразованности, а от каких-то других причин.

Несомненно, что элита РПЦ по самому характеру своей деятельности думает над политическими и социальными вопросами меньше, чем другие элиты, и несколько

больший удельный вес ответов "не знаю", например, на вопрос об отношении к распаду СССР у православного духовенства, чем у политической элиты, легко можно было бы объяснить этим. Но нельзя допустить мысли, что представители элиты РПЦ думали о распаде СССР меньше, чем самая необразованная часть населения (24% "незнающих" среди элиты РПЦ и 14% среди лиц с незаконченным средним образованием). Очевидно, основная причина все-таки - не в погруженности в религиозные дела, а в чем-то другом.

Церковь всегда стремилась не допустить проникновения внутрь своей организации различных "светских" политических размежеваний и сохранить общую позицию отстраненности от мирских проблем и одновременно лояльности к "власть предержащим". Поэтому любые политические взгляды, выходящие за пределы этой общей лояльности, могли быть препятствием для церковной карьеры. Так, несомненно, было и до революции. Но после революции РПЦ оказалась в положении, ранее в истории никогда не встречавшемся - когда карьеры в церковной иерархии полностью контролировались тоталитарным государством, придерживавшимся противоположной церковной, атеистической идеологии. Это - нечто не так уж далекое от фантастической ситуации, когда, например, служебное продвижение в Советской армии контролировалось бы командованием немецкого вермахта (или наоборот). Правда, в отличие от этой воображаемой ситуации государство, особенно в брежневский период, не ставило своей задачей уничтожение противника. Советскую власть, утратившую фанатизм и жестокость своей молодости и стремившуюся прежде всего к сохранению status quo не волновало, что какая-то часть, в основном - старых и необразованных людей, верит в Бога. Ее целью было не сделать из этих людей атеистов и коммунистов, а контролировать этот слой, который находился вне сферы ее прямого идеологического воздействия, через церковь и не допускать превращения религии в активную, противостоящую официальной идеологии силу.

Естественно, что КГБ, тщательно следивший за церковью, не допускал продвижения по ее иерархической лестнице церковнослужителей, которые могли обладать какими-то самостоятельными взглядами, чья позиция хоть в какой-то мере могла отклониться от идеальной позиции: "начальству виднее". Такое положение не могло не порождать в элите РПЦ страха не только выражать, но даже и иметь свою индивидуальную точку зрения (если имеешь, можешь проговориться), ставшего уже привычным и иррациональным. При нашем опросе, естественно, анонимном, реальная, рациональная опасность, что выраженная позиция может в какой-то мере повлиять на служебное положение, была ничтожно малой. Но, очевидно, страх слишком глубок, он вошел уже в плоть и кровь людей, достигших вершин иерархической лестницы тщательным избеганием каких-либо индивидуальных позиций, и даже при анонимном опросе и при ответах на самые "невинные" вопросы эти люди "на всякий случай" предпочитают отвечать: "не знаю". (Между прочим, эти результаты нашего опроса позволяют, на наш взгляд, лучше понять позицию церкви в вопросе о захоронении останков царской семьи. Фактически эта позиция - тоже "не знаю", которым РПЦ ответила на потенциально опасный вопрос, "не знаю", которое было сказано вопреки очевидности и даже в какой-то мере вопреки выгоде, но исходило из глубин души.)

Но люди, даже оказавшиеся в такой страшной и противоестественной ситуации, не могут не думать, не оценивать события, не вырабатывать какой-то идеологии, системы воззрений на социальные и политические вопросы. Эта идеология в советское время должна была быть "не проговариваемой", скрываемой, но с перестроечной эпохи она все больше стала "выходить на поверхность". Колоссальный удельный вес ответов "не знаю" - это скорее наследие прошлого, порождение страхов советской эпохи, но большинство опрошенных все же давало значимые ответы на предлагавшиеся вопросы. Многие из них, как мы сейчас увидим, резко отличаются от ответов других групп элиты и населения в целом.

Мы легко можем вычленить группу вопросов, в ответах на которые - наибольшее расхождение между элитой РПЦ и другими опрошенными группами и отношение к

которым, очевидно, наиболее важно для церковной элиты и определяет всю ее систему социальных и политических ценностей. Это - вопросы, связанные с отношением к самой РПЦ, к ее положению в обществе и к другим религиям.

Стержнем системы ценностей элиты РПЦ является оценка самой РПЦ (т.е. в некотором роде самих себя) и глубокая убежденность в необходимости привилегий для РПЦ (т.е. опять-таки для самих себя). Другой стороной этой высочайшей оценки РПЦ и убежденности в необходимости привилегий для нее является крайне низкая оценка других "конкурирующих" религиозных организаций. При этом мы имеем дело не столько с позицией собственно религиозной, теологической, сколько с позицией идеологической, или с той промежуточной зоной, где теология незаметно становится идеологией. Ведь чисто "теоретически" возможна предельно высокая оценка Церкви как мистического организма, "тела Христова", при низкой оценке "земной" современной церкви, церкви как социального института, и еще более логически возможна высокая оценка церкви при нежелании для нее "земных" привилегий, убежденности, что истине не нужны привилегии, она победит и без них. Но, как видно, это - скорее "теоретическая" возможность. Психологически такая позиция - очень трудна и для подавляющего большинства элиты РПЦ не свойственна.

Степень доверия элиты РПЦ к своей собственной организации - колоссальна и неизмеримо больше доверия к ней других групп элиты. 88% элиты РПЦ "полностью" доверяют РПЦ, еще 7% просто доверяют и только 3% не доверяют. 88% выражают "очень хорошее" к ней отношение, еще 3% - просто хорошее и 1% - "несколько негативное". В то же время среди нерелигиозной элиты "полностью" доверяют РПЦ только 10%, просто доверяют - 50%, скорее не доверяют 21% и не доверяют 5%. "Очень хорошее" отношение к РПЦ выражают 39% нерелигиозной элиты.

Такое полное доверие к своему институту резко выделяет элиту РПЦ от других сегментов нашей элиты. Так, среди представителей политической элиты полностью доверяют Думе только 9%, а правительству - 10%, среди представителей элиты СМИ полностью доверяют СМИ 8%. При этом разница в степени доверия к "своим" институтам и доверия к ним же со стороны других групп элиты не так уж велика (в целом, например, полностью доверяют СМИ 4% всей элиты).

Очень хорошее отношение и полное доверие к своей собственной религиозной организации оборотной стороной имеет плохое отношение к другим, чужим религиозным организациям. Так к свидетелям Иеговы негативное отношение выразили 18%, а "очень негативное" - 59% элиты РПЦ, к кришнаитам - 21% и 50%, к пятидесятникам - 31% и 41%, к баптистам - 28% и 35%, к буддистам - 19% и 32%, к евреям - 26% и 24%, к католикам - 28% и 12%, к мусульманам - 25% и 12%. Легко заметить, что степень плохого отношения никак не связана с близостью или отдаленностью данной религии от православия, т.е. имеет не собственно религиозное, теологическое происхождение. Логика здесь иная, непосредственно связанная с социальными интересами церкви как организации. Иерархия более или менее плохих отношений практически точно отражает (за исключением отношения к евреям, которое, очевидно - отношение именно к евреям как национальности, а не к религии иудаизма) степень "конкуренности" этих религий с РПЦ, их прозелитической активности среди русских, потенциальных православных. Поэтому отношение к христианам баптистам - хуже, чем к буддистам и евреям, и к очень близким по вероучению, но проявляющим некоторую прозелитическую активность среди русской интеллигенции католикам - хуже, чем к очень далеким, но активности не проявляющим мусульманам.

Такая же иерархия "плохих отношений" в основном сохраняется и у нерелигиозных элит (хотя если для элиты РПЦ это - иерархия конкурентов, то для "светских" элит - это скорее иерархия нового, культурно чуждого и вторгающегося в привычный мир). Но отношение нерелигиозных элит к "иноверцам" - значительно мягче и терпимее. Так к свидетелям Иеговы негативное и "очень негативное" отношение в нерелигиозной элите выразили - 23% и 22%, кришнаитам - 23% и 12%, пятидесятникам - 21% и 11%, баптистам - 34% и 8%, буддистам - 17% и 4%, евреям - 21% и 6%, католикам - 12% и 3%, мусульманам - 14% и 5%. Удельный вес лиц, "не любящих" разные религии, в населении в целом, выявившийся в общем опросе 1996 г., очень близок к "среднеэлитарному" и также заметно ниже их удельного веса в элите РПЦ.

"Полное доверие" к своей собственной организации и нелюбовь к конкурентам, как мы уже говорили, переходит у элиты РПЦ в стремление к привилегиям для своей церкви. С тем, что все

религии должны иметь равные права, согласились только 30% элиты РПЦ (в нерелигиозной элите - 69%), а с тем, что РПЦ должна иметь привилегии "полностью согласны" 79%, просто согласны - 12%, несогласны - 4% и полностью несогласны - еще 4%. 53% элиты РПЦ считают, что "все школьники должны изучать православную религию" (в элите в целом - 16%), 32% считают, что они должны изучать "ту религию, которую выберут их родители" (в элите в целом - 18%), только 10% - науку о религии (в элите - 59%) и никто не считает, что вообще не должно быть религиозного обучения в школе (в целом в элите так считают 22%).

Очевидно, идеи равных прав всех и привилегий - сложны и не до конца продуманы многими респондентами. Как мы видим, часть элиты РПЦ выражает согласие сразу с двумя исключаящими друг друга положениями (получается, что для нее "все религии равны, но некоторые из них - более равны, чем другие"). Некоторые респонденты, очевидно, согласны на привилегии и для себя и для других. Наряду с вопросом о привилегиях для РПЦ был задан также вопрос о привилегиях для баптистов и мусульман. На привилегии баптистам согласились 4%, мусульманам - 25%. Но подавляющее большинство все же достаточно четко понимает под привилегиями РПЦ неполноправное положение конкурентов. Так полностью не согласны с тем, что баптисты должны иметь привилегии - 51%, а просто не согласны - еще 34%, с тем что привилегии должны иметь мусульмане - 26% и 35%. (Опять-таки мы видим, что отношение к мусульманам значительно лучше, чем к баптистам).

Высочайшая оценка своей организации соединяется в мировоззрении подавляющего большинства элиты РПЦ с очень высокой (значительно более высокой, чем в других группах опрошенных) оценкой своего народа и государства. И опять-таки как другой стороной высокой оценки РПЦ является низкая оценка других религиозных организаций и нежелание правового равенства с ними, так другой стороной высокой оценки своего народа и государства является низкая оценка других, стремление к доминированию России над другими странами и некоторая неприязнь к международным институтам, воплощающим, как ООН, правовое равенство государств.

Оценки качеств русских людей у элиты РПЦ значительно выше, чем у других групп элиты. Поразительно, но 44% церковной элиты безоговорочно согласны с определением русских как "религиозных" (в нерелигиозной элите - только 8%), что полностью противоречит действительности, ибо по всем "измеряемым" показателям религиозности, например, посещаемости церквей, Россия - на одном из последних мест в мире. (Оценка религиозности русских неправославной религиозной элитой значительно реалистичней, среди ее представителей безоговорочно согласились с этим определением только 15%.) С тем, что "русские обладают моральными качествами, делающими их выше других людей", согласились 26% элиты РПЦ и 6% нерелигиозной элиты, что русские - "честные" - 31% и 14%, что они - "нравственные" - 29% и 13%, "заслуживают доверия" - 40% и 15%, "трудолюбивы" - 35% и 15%. Естественно, что при таком отношении к своему народу представители элиты РПЦ очень горды быть гражданами России. "Очень гордых" среди них - 53% (в элите в целом - только 28%), "совсем не гордых" и "не очень гордых" - 14% (в элите - 24%).

Мы не задавали вопросов об отношении к отдельным народам и государствам. Но в ответах на ряд вопросов это отношение видно достаточно отчетливо. Так, "доверяют" и "очень доверяют" партнерам по СНГ 21% элиты РПЦ и 32% нерелигиозной элиты, ООН - 32% и 62%, Евросоюзу - 10% и 50%. Считают, что распад СССР был неизбежен 28% и 43%, что Россия должна быть сверхдержавой, как СССР или США - 56% и 53%, что она должна быть просто значительной страной - 15% и 37%, что страны СНГ-нормальные независимые государства, такие же, как и Россия - 28% и 48%.

Связь между ответами на разные вопросы - скорее психологическая, чем логическая. Логически возможно безоговорочно доверять РПЦ, но не желать для нее привилегий. Но мы видели, что на деле такой позиции придерживается лишь небольшое меньшинство элиты РПЦ (впрочем, важно подчеркнуть, что такое меньшинство все же есть). Также логически возможно безоговорочно

доверять РПЦ и даже желать привилегий для нее, но при этом не стремиться к тому, чтобы Россия обязательно была сверхдержавой. Но реально это - позиция меньшинства. И наконец, теоретически можно желать и привилегий для РПЦ и сверхдержавного статуса России, но одновременно желать, чтобы Россия была демократической и рыночной страной. Но опять-таки это - теоретическая возможность. Как мы сейчас увидим, в сознании элиты РПЦ стремление избежать "свободной конкуренции" в религиозной сфере ведет к низкой оценке "свободной конкуренции" во всех сферах.

Несмотря на то, что демократические и рыночные реформы в России принесли РПЦ вроде бы многочисленные и разнообразные блага, отношение РПЦ к демократии и рынку - значительно хуже, чем отношение других групп элиты и населения в целом. Создается ощущение, что для респондентов, во всяком случае, многих из них, советская ситуация тотального атеистического контроля над церковью при крайне слабой конкуренции со стороны других религий психологически ближе, чем современная ситуация, в которой этот контроль отсутствует, но зато резко возросла идейная, и в том числе - религиозная, конкуренция и поэтому при сравнении теперешней России и России советской они все же отдадут предпочтение советской.

Так, считают, что Россия обязательно станет демократической страной - 15% элиты РПЦ и 60% нерелигиозной элиты, что, наоборот, "демократия - не для России" - 37% и 15%, что "наше общество должно быть постепенно улучшено при помощи реформ" - 19% и 63%, что "наше общество должно быть решительно защищено от всех разрушительных сил" - 57% и 27%, что "очень важно" сохранение порядка в стране - 85% и 78%, что защита свободы слова - "не важно" и "совсем не важно" - 15% и 11%. Безоговорочно предпочитают свободу равенству 9% элиты РПЦ и 15% нерелигиозной элиты, наоборот, равенство свободе - 9% и 4%, частную собственность государственной - 3% и 13%, государственную частной - 9% и 5%, согласны с тем, что различия в доходах надо уменьшить - 24% и 12%, что они должны быть велики и зависеть от личного вклада человека - 7% и 17%, что "государство должно взять на себя больше ответственности за обеспечение граждан" - 9% и 6%, считают, что конкуренция - это хорошо - 4% и 39%, что конкуренция - плохо - 10% и 4% (столь большие различия в оценке именно конкуренции, очевидно, объясняются тем, что при слове конкуренция у церковной элиты возникает идея конкуренции между религиями, свободы религиозного выбора).

Очень характерно, как распределяется доверие элиты РПЦ к разным государственным институтам. Несмотря на то что большинство Государственной Думы поддерживает стремление РПЦ к привилегированному положению в обществе, поддержка Думы элитой РПЦ - очень слаба. "Очень доверяют" и просто "доверяют" Думе 31% (в нерелигиозной элите - 40%). Доверие правительству - больше, чем Думе, и даже несколько больше, чем у нерелигиозной элиты (39% и 36%). А к двум государственным институтам доверие у элиты РПЦ - значительно больше, чем у "светских" элит. Это - милиция (42% и 35%) и армия (62% и 52%). Несомненно, что, выражая свое отношение к разным институтам, элита РПЦ проявляет отношение скорее к "идее" этих институтов, чем к их реальности. "Идея" Думы - это идея демократии, выборов, свободной конкуренции разных идеологий. Поэтому, хотя Дума и поддерживает РПЦ, доверия к ней нет. Напротив, "идея" армии и милиции - идея порядка, великой державы, подавления разных внешних и внутренних врагов. Поэтому церковная элита выражает доверие к ним, хотя естественно, что большого реального, "буквального" доверия к ним в их теперешнем положении и состоянии быть не может.

Итак, мы рассмотрели своеобразие системы ценностей элиты РПЦ. Главным, "системообразующим" ее элементом является стремление добиться привилегированного положения и избежать конкуренции в религиозной сфере, из которого вытекают другие позиции и ценностные ориентации (отношение к роли России в мире, к демократии, к рынку). Политический идеал, к которому тяготеют большинство респондентов - это идеал страны с господствующим православием, где государство ограничивает деятельность других религий (скорее - тех, которые пытаются обратиться в свою веру русских, чем тех, которые не выходят за пределы нацменьшинств). Эта страна должна быть сверхдержавой, с мощной армией, диктующая свою волю соседям и не скованная участием в международных организациях, где она - на равных правах с другими. Это также должна

быть страна с сильной властью, "решительно защищающей общество от всех разрушительных сил". В социально-экономическом плане это, во всяком случае, не должно быть общество свободной конкуренции. Это - образ, соединяющий черты самодержавной России с чертами СССР, но такого СССР, где вместо идеологии атеистического коммунизма - православие.

Рассматривая систему ценностей элиты РПЦ, мы уже в какой-то мере сравнивали ее позицию с позицией других элит. Теперь перейдем к детальному сравнению.

Небольшая и "пестрая" группа опрошенных представителей неправославной религиозной элиты, куда входят служители таких разных религий, как баптизм и буддизм, в целом - более "новая", сделавшая карьеры в более поздние времена, чем православные (30%, а не 70% работали в религиозной сфере в 80-е годы) и с меньшей профессионально-мировоззренческой преемственностью поколений (родители-члены КПСС у 23%, а не у 15%, как у элиты РПЦ, не были воспитаны религиозно - 35%, а не 20%). Возможно, отчасти и поэтому она - более "открыта". Это проявляется в готовности выразить свое мнение, которая у неправославной религиозной элиты -значительно больше, чем у элиты РПЦ и практически - такая же, как у нерелигиозных элит. Так на вопрос о перспективах демократии в России "не знаю" ответили только 15% (в элите РПЦ - 34%), на вопрос о возможности для России быть сверхдержавой - 11% (22%), о неизбежности распада СССР - 15% (22%) и т.д.

По очень немногим и весьма специфическим моральным вопросам (наличие абсолютных критериев добра и зла, отношение к абортam, гомосексуализму и т.д.) позиции элиты РПЦ и неправославной религиозной элиты очень близки. В этих вопросах более жесткая мораль религиозной элиты в целом противостоит более свободной (или аморфной) морали нерелигиозных элит. Но по большинству вопросов между позициями православных и неправославных - очень большие различия.

Наибольшие расхождения у неправославной и православной элит, естественно, в вопросах о равенстве религий и привилегиях РПЦ. По этим вопросам две группы религиозной элиты - антагонисты и хотя позиция РПЦ здесь, как мы видели, значительно отличается от позиции нерелигиозной элиты, ее расхождение с неправославной религиозной элитой - еще больше. За правовое равенство религий высказываются 84% неправославной религиозной элиты и только 30% православной, за привилегии для РПЦ-91% православной и 19% неправославной.

Это основное различие как бы порождает множество производных. Как у элиты РПЦ стремление прекратить конкуренцию в религиозной сфере приводит к множеству следствий в самых разных сферах, вплоть до нежелания конкуренции в сфере экономической, так и у неправославной элиты из противоположного стремления к религиозному равноправию вытекает множество позиций по другим вопросам, также противоположных позициям РПЦ.

К другим религиям неправославная элита значительно доброжелательнее православной. Мы видели, как часто представители элиты РПЦ выражают плохое отношение к другим религиям. У неправославной элиты оно встречается значительно реже и характерно, что она не отвечает РПЦ таким же недоброжелательством, какое проявляет к другим религиям элита РПЦ - "очень негативное" отношение к РПЦ выразил лишь один опрошенный представитель неправославной элиты.

Выборка неправославной элиты была очень небольшой и отсюда могли возникнуть значительные погрешности, но в целом создается впечатление, что вообще по большинству показателей неправославная религиозная элита - наиболее либерально и демократически ориентированная часть российской элиты. Так 63% неправославной элиты верит в то, что Россия обязательно будет демократической (в нерелигиозной элите - 60%, в элите РПЦ - 15%), только 11% считают, что демократия - не для России (15% и 37%), только 17% считают, что Россия обязательно должна быть сверхдержавой (53% и 56%), 61% поддерживают реформы (63% и 19%), только 8% считают, что защита свободы слова "не важна" (15% и 11%).

Было бы очень интересно сравнить позиции элит отдельных неправославных религиозных организаций, чтобы выявить влияние на ценности разных религий, но у нас нет такой возможности - в опросе участвовало слишком небольшое число представителей элиты слишком многих религий. Однако мы полагаем, что хотя различия религий, безусловно, очень важны (естественно, что отношения к религиозной свободе у православных и баптистов или пятидесятников — принципиально разные), очень важную роль здесь играет и другой фактор - различие социальных ролей и интересов. Разумеется, объективно РПЦ в современной России - меньшинство, причем небольшое. Но это - такое меньшинство, которое пользуется поддержкой большинства и может рассчитывать на привилегированное положение и добиваться его, а баптисты, католики и т.д. - не могут. В иной ситуации православная верхушка вполне могла бы поддерживать принципы правового равенства всех религий (в США, например, она так и поступает), а, скажем, мусульмане, которые могут поддерживать это равенство у нас, не допускают его в подавляющем большинстве своих стран. И недемократизм православной церкви и демократизм неправославных церквей в современной России - следствие не только и, может быть, даже не столько различий вероучений, сколько различий ситуаций и возникающих из них идеологий.

Мы уже видели, что нерелигиозная элита в целом поддерживает идею привилегий значительно меньше, а идею равноправия религий - значительно больше, чем элита РПЦ, и вообще ее позиция в самых разных вопросах - более либеральная. Но из трех групп нерелигиозной элиты, опрошенных в нашем исследовании, наименьшие различия в позициях с РПЦ - у политической элиты.

Так "полностью согласны" и просто "согласны" с тем, что РПЦ должна иметь привилегии 66% политической элиты и 58% нерелигиозной элиты в целом. Наоборот, "несогласны" и "полностью не согласны" с этим 30% и 38%. Доверяют и полностью доверяют РПЦ - 70% и 60%, не доверяют и полностью не доверяют - 14% и 26%. Из всех трех нерелигиозных элит политическая проявляет и наибольшую нетерпимость к "иноверцам". Так, негативное и очень негативное отношение к свидетелям Иеговы выразили 29% и 22% политической элиты и 23% и 22% всей нерелигиозной элиты, к кришнаитам - 28% и 15% (23% и 12%), к пятидесятникам - 27% и 21% (21% и 11%), к баптистам - 39% и 18% (34% и 8%), к буддистам - 22% и 7% (17% и 4%), к евреям - 28% и 10% (21% и 6%), к католикам - 13% и 14% (12% и 3%), к мусульманам - 17% и 4% (14% и 5%). Такая относительная близость видна и во многих далеких от религии вопросах. Например, мы уже говорили, что 56% элиты РПЦ считают, что Россия должна быть такой же сверхдержавой, какой был СССР, а 15% - что она должна быть просто нормальной страной. В политической элите соответствующие цифры - 58% и 35%, а нерелигиозной элите в целом - 53% и 37%. Выразили уверенность, что Россия обязательно будет демократической страной 15% элиты РПЦ, а что "демократия - не для России" - 37%. В политической элите - 57% и 18%, в нерелигиозной элите в целом - 60% и 15%.

Безоговорочно предпочли частную собственность 3%, а государственную - 9% элиты РПЦ, 8% и 6% политической и 13% и 5% всей нерелигиозной элиты.

Чем объяснить эту некоторую близость позиций политической элиты и элиты РПЦ? Во всяком случае - не большей религиозностью политической элиты. Наиболее религиозной у нас является не политическая, а информационная элита. Так на вопрос "верите ли Вы в Бога?" ответили "да" 38% опрошенных представителей политической, 32% экономической и 46% информационной элит, на вопрос о вере в загробную жизнь - 16%, 21% и 33%, в воскрешение мертвых - 3%, 7% и 13%, часто молятся - 4%, 6% и 12%, никогда не молятся - 47%, 53% и 33%, утверждают, что в их жизни религия играет "важную" и "относительно важную" роль - 31%, 23% и 39%, не важную и никакой роли - 64%, 73% и 59%, считают себя религиозными людьми - 27%, 25% и 38%.

Очевидно, соотношение между социально-политическими ценностями и позицией в вопросе о правовом равенстве религий у политической элиты и элиты РПЦ - принципиально разное. Для РПЦ главное - это стремление к привилегиям в религиозной сфере и уже отсюда ее общая

"реакционность" (мы употребляем это слово не оценочно и за неимением лучшего). У политической элиты, напротив, главное - ее относительная социально политическая реакционность, и уже от нее - симпатии к идее привилегий РПЦ. Но откуда же эта относительная реакционность?

Ответить на этот вопрос очень сложно, прежде всего потому, что политическая элита - очень "разношерстная", в нее входят как люди, сделавшие скорее карьеру бюрократического типа, так и депутаты, сделавшие "демократическую" карьеру, как сторонники "Выбора России", так и жириновцы и коммунисты. Но мы все же можем выдвинуть некоторые предположения.

Особенность сложившейся у нас политической системы такова, что у власти находится относительно "либеральная" и "демократическая" часть элиты, которую, однако, не поддерживают большинство населения, склоняющегося к поддержке нелиберальных партий. У власти либеральная политическая верхушка может находиться лишь в условиях действующей конституции, сведшей к минимуму роль парламента, где доминируют оппозиционные нелиберальные партии. При этом депутатская часть политической элиты, естественно, менее либеральна, чем элита в целом (вообще значительная часть ее - элита чисто формально, "по должности", а не по принадлежности к элитарному слою). Среди опрошенных представителей политической элиты, например, - 8% коммунистов, 1% аграриев и 1% жириновцев (все они, естественно, депутаты), в то время как среди представителей экономической элиты - 2% коммунистов и ни одного жириновца и агрария, а информационной - только 1% коммунистов. Между тем коммунисты, жириновцы и аграрии - популярные в народе партии, с сильными националистическими и ксенофобскими элементами в идеологии и склонные поддерживать требования РПЦ, направленные на ограничение религиозной свободы и проникновение "чужих" религий.

С другой стороны, у относительно не зависимой от народа и даже Думы части политической элиты, принадлежащей к исполнительной ветви власти и идеологически - более демократической, чем ее депутатская часть, в наших условиях также возникает стремление к ограничению демократии, поискам единой и сплачивающей общество идеологии, на роль которой естественно "напршивается" идеология "государственности" и "державности", и использованию традиционной самодержавной символики, сакрализующей верховную власть, органическим элементом которой является символика православная (смягченный и "разжиженный" вариант идеологии "православия, самодержавия и народности"). В результате в самых широких слоях политической элиты - и оппозиционной ("коммуно-патриотической") и правящей ("демократической") возник своего рода "процерковный консенсус". При этом возникает впечатление, что политическая элита склонна несколько преувеличивать политическое значение РПЦ и степень поддержки ее требований избирателями. Во всяком случае, сравнение данных "элитарного" опроса с данными нашего общего опроса 1996 г. показывает, что в населении в целом поддержка идеи особых привилегий для РПЦ меньше, чем в политической элите (51%, а среди политической элиты - 66%).

Интересно отметить одну черту специфически "политического" отношения к религии. Проявления личной, неинституциональной религиозности у политической элиты встречаются несколько реже, чем у "среднего россиянина". Так часто молятся вне церкви 4% политической элиты и 13% всех опрошенных в 1996 г., иногда - 10% и 14%. Правда, надо учесть, что политическая элита на 79% состоит из мужчин, религиозность которых - ниже и если мы будем сравнивать политическую элиту только с мужской частью опрошенных, различия практически исчезнут - 4% и 5% и 10% и 8%. Но в любом случае проявления личной, приватной религиозности у представителей политической элиты не больше, чем у средних россиян. Однако несколько раз в год в церкви представители политической элиты бывают заметно чаще, чем все россияне - 28% и 20% и значительно чаще, чем мужская половина российских граждан - 13%. На больших церковных праздниках многие представители политической элиты, таким образом, считают своим

долгом (и "полезным" долгом) постоять в церкви со свечкой в руках (лучше - перед телекамерами).

Как мы уже видели, экономическая элита по всем показателям - наименее религиозна. Верующих в ней относительно мало, и религия играет в ее жизни небольшую роль. Ее представители заняты в основном "серьезными", "материальными" делами и церковные проблемы их просто не очень волнуют. Характерно, что целых 23% экономической элиты не знают, как ответить на вопрос, доверяют ли они РПЦ (в нерелигиозной элите в целом - 15%).

Поэтому позиция экономической элиты в вопросах, представляющих наибольший интерес для РПЦ, если можно употребить такой термин, "не выразительна". По всем этим вопросам она занимает среднюю позицию между наиболее склонной к предоставлению РПЦ привилегий политической и наименее склонной - информационной. Такая же средняя позиция у нее и в множестве других вопросов: о будущем демократии в России, о том, должна ли Россия быть сверхдержавой и т.д. Своеобразие позиции экономической элиты (и наибольшее расхождение с позицией элиты РПЦ) проявляется в ответах на две группы вопросов.

Во-первых, это - некоторые вопросы скорее морального порядка. Так с наличием абсолютных критериев добра и зла экономическая элита согласна меньше (30%), чем другие группы элиты и, естественно, чем элита РПЦ (в нерелигиозной элите в целом - 33%, элите РПЦ - 81%), а с тем, что добро и зло зависят от обстоятельств - больше (60%, 58% и 10%). Значительно меньше, чем другие группы элиты, экономическая элита склонна соглашаться с утверждением, что большинству людей можно доверять (16%, в нерелигиозной элите в целом - 21%, в элите РПЦ - 53%). Одновременно больше представителей экономической элиты (20%), чем других нерелигиозных элит (17%), чем элиты РПЦ (10%), согласны с тем, что "если в каком-либо городе или регионе к власти пришел человек с криминальным прошлым и криминальными связями, но энергичный и эффективный, не надо мешать ему". Считают важной задачей "движение к обществу, в котором идеи ценятся больше денег" 31% экономической элиты, 34% нерелигиозной элиты в целом и 62% элиты РПЦ.

Во-вторых, это группа вопросов социально-экономического порядка. По таким вопросам, в отличие от вопросов, связанных с политическим строем России и ее международной ролью, ее позиция уже не средняя между позициями наименее либеральной политической элиты и наиболее либеральной элиты СМИ, а крайняя "рыночная". Информационная элита занимает в таких вопросах среднюю позицию, а политическая и в этих вопросах, как и во всех других - наименее либеральная из "светских" элит. Так, доверяют большим кампаниям 42% экономической элиты, 33% информационной и 32% политической, безоговорочно высказываются за частную собственность - 17%, 15% и 8%, безоговорочно согласны с тем, что конкуренция - это хорошо - 44%, 38% и 32%. Именно по таким вопросам, самым важным для экономической элиты, но далеко не самым важным для элиты РПЦ, между ними - наибольшие расхождения. Но в целом экономическая и религиозная элиты живут настолько разными интересами, что сферы этих интересов практически не соприкасаются. Совсем иначе обстоят дела с информационной элитой.

Мы уже говорили, что наиболее близкая позиция к позиции РПЦ - у самой нерелигиозной политической элиты. И наоборот, наиболее далекая позиция - у элиты СМИ, которая одновременно - самая религиозная. На вопрос: "верите ли Вы в Бога?" ответили "да" 46% представителей информационной элиты и только 38% всей не церковной элиты, на вопрос о вере в загробную жизнь - 33% и 23%, в ад - 16% и 13% и т.д. Но вместе с тем религиозность информационной элиты - менее ортодоксальна и традиционна. Так из тех, кто считает себя последователями какого-то определенного вероучения (36% всей нерелигиозной элиты) определение "христиане вообще" выбрали для себя 56% информационной элиты, 36% политической и 39% экономической, "православные" - 26%, 40% и 36%, "русские православные" - 18%, 24% и 24%. В переселение душ верят 28% элиты СМИ и 26% всей нерелигиозной элиты, не верят 44% и 48%, в астрологию - 29% и 27%, не верят - 46% и 49%, в магию - 29% и 25%, не верят - 50% и 53%.

Отношение элиты СМИ ко всем религиям (за необъяснимым для нас исключением свидетелей Иеговы) - наиболее доброжелательное и наиболее отличающееся от отношения элиты РПЦ. И наоборот, хотя плохое отношение к РПЦ у информационной элиты, как и у других категорий элиты, практически не встречается, "очень хорошее" она выражает все же значительно реже, чем нерелигиозная элита в целом (33% и 46%). "Полностью" за привилегии РПЦ - только 15% информационной элиты (всего в нерелигиозной элите - 30%). Не доверяют РПЦ 40% элиты СМИ и 26% всей нерелигиозной элиты.

Мораль информационной элиты - наименее "жесткая". Так, считают гомосексуализм никогда недопустимым только 45% элиты СМИ (во всей нерелигиозной элите - 62%), проституцию - 34% (46%), аборты - 6% (12%), употребление наркотиков - 65% (80%), обман при уплате налогов - 16% (24%). По всем подобным вопросам позиция элиты РПЦ - значительно более жесткая, чем "среднеэлитарная".

Такую же наибольшую удаленность позиций элиты СМИ и элиты РПЦ мы можем наблюдать и практически по всем социально-политическим вопросам - элита СМИ наиболее либеральная и не националистическая часть элиты.

Естественно, что при наибольшем расхождении в ценностях между элитой РПЦ и элитой СМИ и отношения у них - наиболее напряженные. Мы уже видели, что элита СМИ наименее склонна поддерживать РПЦ в ее борьбе за привилегии и выражает наименьшее доверие к РПЦ. И элита РПЦ платит СМИ "той же монетой". Доверяют СМИ только 14% элиты РПЦ (в нерелигиозной элите в целом - 41%, в самой элите СМИ - 54%), не доверяют - 69% (в нерелигиозной элите в целом - 57%), телевидению доверяют 24% и 39%, не доверяют - 59% и 54%. С тем, что журналисты - правдивы, согласны 10% элиты РПЦ и 22% всей элиты, считают картину, создаваемую СМИ, полностью не адекватной - 10% и 4%.

Чем можно объяснить эту специфику системы ценностей элиты СМИ и ее наибольшую отдаленность от системы ценностей элиты РПЦ? Причины этого более или менее ясны. Элита СМИ, если так можно выразиться - наиболее "интеллигентская", занятая интеллигентным трудом и в своей карьере наиболее зависящая от одобрения интеллигентского слоя. (В этом отношении ее положение очень отличается от положения выборной, "демократической" части политической элиты. Политическая элита зависит от голосов всех, в том числе - и самых низших и необразованных слоев. Элита же СМИ от них не зависит - газеты и журналы они все равно не читают и читать не будут, а реклама по телевидению также ориентирована на более богатых.) Между тем по данным опроса 1996 г. именно наиболее образованные слои проявляют ту же комбинацию тенденций к неортодоксальной религиозности, веротерпимости, недогматичной (или "размытой") морали и демократическим и рыночным убеждениям. Кроме этих факторов принадлежности к интеллигенции и зависимости от ее одобрения и особенностях позиции элиты СМИ сказываются, очевидно, и специфические профессиональные интересы журналистов, которые заинтересованы в свободе информации - также, как элита РПЦ заинтересована в ее ограничении в религиозной сфере.

Таким образом, мы видим сложную картину взаимоотношений разных элит. В своем стремлении к привилегиям элита РПЦ может рассчитывать на относительно сочувственное отношение политической элиты. Экономической элите все это более или менее безразлично, а информационной идея привилегий наиболее чужда.

Посмотрим теперь, как соотносятся ценности элиты РПЦ и ценности народа в целом (не элиты) и отдельных его групп, сравнивая ответы элиты РПЦ в "элитарном" опросе 1997 г. с ответами на аналогичные вопросы, полученными в ходе общего опроса 1996 г. Рассмотрим позиции по центральному для элиты РПЦ вопросам о привилегиях. С тем, что РПЦ должна иметь привилегии, полностью согласились 24% всех опрошенных в 1996 г. Принципиальных отличий народа и элиты в данном вопросе нет. Политическая элита чуть больше склонна к предоставлению привилегий (28%), элита СМИ - меньше (15%). Естественно, что среди верующих по самоидентификации (47% населения) полностью согласных на привилегии больше (33%), а среди "традиционных",

"настоящих" верующих (4% населения) - еще больше (43%), Среди образованных и молодых поддержка привилегий РПЦ - меньше, чем среди необразованных и старых (и верующих и тем более "традиционных" верующих среди них меньше). Среди лиц с высшим образованием полностью согласны на предоставление привилегий РПЦ 21%, лиц в возрасте 18-28 лет - 23%, 29-39 лет - 18%. Наоборот, среди лиц с незаконченным средним образованием - 26%, лиц старше 70 лет - 35%. С тем, что все религии должны пользоваться равными правами, согласны и полностью согласны -70% населения т.е., опять-таки приблизительно столько же, сколько и среди представителей элит (политической - 70%, экономической 69%, информационной - 66%). Среди верующих согласны 67%, традиционных верующих - 62%, лиц с незаконченной средней школой - 65%, с высшим образованием - 71%, старше 70 лет - 68%, 29-39 лет - 75%. Между тем, как мы уже говорили, в элите РПЦ полностью согласных с тем, что РПЦ должна иметь привилегии - 79%, а с тем, что все религии должны иметь равные права - только 30%. Таким образом, даже в самой религиозной, находящейся под прямым воздействием РПЦ категории "традиционных" верующих идея равных прав всех религий пользуется значительно большей поддержкой, чем в элите РПЦ.

Мы не будем приводить цифры, характеризующие отношение ко всем религиям. Выберем три наиболее "знаковых" - баптистов, евреев и кришнаитов и сравним отношение к ним элиты РПЦ и наиболее близких к ней по ценностям групп верующих и традиционных верующих. Мы помним, что "очень плохое" отношение к баптистам выразили 35% элиты РПЦ, к евреям - 24% и к кришнаитам - 50%. Среди традиционных верующих соответствующие цифры - 15%, 19% и 23%, среди всех верующих -12%, 13% и 19%.

На наш взгляд, эти различия между позицией РПЦ и позицией традиционных верующих демонстрируют, что отношение к "иноверцам" элиты РПЦ объясняется в большей мере социальными интересами и идеологией, чем собственно верой. Какая-нибудь традиционно верующая деревенская женщина, наверное, испытывает не меньший, а скорее больший инстинктивный страх перед кришнаитами или евреями, чем представители элиты РПЦ. Но хотя для нее другие религии — странные, чужие и даже страшноватые, у нее нет никакого материального, социального интереса их подавлять и ограничивать. Они для нее - не конкуренты. А для элиты РПЦ это -именно конкуренты, угроза ее положению в обществе и благосостоянию.

Мы назвали нашу статью: "Люди на тающей льдине". Это - образ, возникающий. как нам кажется, при анализе ценностей элиты РПЦ. В советское время эта элита не могла высказывать никаких позиций ни по каким вопросам, которые хоть в малейшей степени могли не понравиться бдительному атеистическому начальству. Но она не могла не думать и не мечтать. И естественно, что ее мечты, мечты людей, принадлежащих к организации с прекрасным и великим прошлым и унижительным настоящим, были мечты о прошлом и о том, что вдруг каким-то чудом это прошлое станет будущим. Самое лучшее время для элиты РПЦ - это, конечно, время, когда православными, и настоящими, а не такими, как теперешние, были все русские люди, патриарх был рядом с царем, а никаких баптистов или еще хуже - кришнаитов и в помине не было, т.е. время средневековья. Послепетровское время уже несколько хуже, а советское - это вообще страшное время. Но чем оно страшное?

Оно страшное потому, что по самой сути своего учения РПЦ не могла не быть противницей правящей партии атеистов. Можно было как угодно скрывать этот антагонизм, тщательно избегая любых его проявлений, но уничтожить его было нельзя - он вытекал из самой природы вещей и соответственно - из той же природы вещей вытекала ситуация "гетто" и тотального контроля. Но антагонизм этим и ограничивался. Если бы КПСС вдруг стала православной, он бы исчез, ибо все проблемы политического и экономического строя по сути церковного учения РПЦ не касаются. Позиции в этих вопросах могут быть только индивидуальными позициями отдельных членов иерархии, причем иерархия в целом отнюдь такие индивидуальные позиции не поощряет. Но ставшая православной КПСС - это в некотором роде и есть средневековье.

Советская власть пала, Церковь освободилась от тотального контроля, получила массу материальных ценностей и заняла почетное место в обществе. Но это относительно почетное и в громадной мере - "декоративное" место - не только не то, которое она занимала когда-то и на которое она может претендовать, но и отнюдь не прочное и спокойное место. В советское время

хотя бы была стабильность и можно было быть уверенным, что-то же КГБ, которое тебя контролирует, тебя и защитит и не даст никаким волкам-кришнаитам залезть в пусть маленькую, но твою овчарню. Сейчас же эти волки свободно рыщут по просторам России. И хотя открываются новые храмы и верующих стало больше, это - очень сомнительные верующие и контролировать паству и даже саму иерархию становится все труднее. Коммунист хотя бы мог, теоретически, обратиться к вере и стать настоящим православным. Но из современных полуверующих сделать настоящих прихожан даже труднее, тем более, когда РПЦ оказывается не в ситуации единственной реальной мировоззренческой альтернативы атеизму, а в совершенно не привычной для нее ситуации одной из множества религиозных альтернатив. Опираясь на поддержку политиков, церковь добивается ограничений религиозной свободы. Но ограничения эти - слабы и "не серьезны". Настоящей плотины на пути роста религиозного плюрализма и тем более -аморфного полурелигиозного мировоззрения, угрожающего сейчас церкви значительно больше, чем атеизм, они создать не могут.

Температура воды повышается и то, что когда-то было прекрасным и величественным айсбергом, который коммунисты почти уничтожили, но остаток — "подморозили", превращается в небольшую тающую льдину. Люди на этой льдине проклинают потепление и мечтают о похолодании, которого все нет и нет. Нам кажется, что этот образ хорошо отражает ситуацию и психологию элиты РПЦ. Но в заключение мы хотели бы подчеркнуть, что образ этот - не "оценочный". Потепление воды и таяние льдины - эмпирические факты. Но это отнюдь не означает, что теплая вода - это обязательно хорошо, а мощный айсберг - плохо.